

Константин

Преображенский

КТБ В РУССКОМ
ЗАРУБЕЖЬЕ

**КОНСТАНТИН
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ**

КГБ

В РУССКОМ

ЗАРУБЕЖЬЕ

БОСТОН • 2024 • BOSTON

Константин Преображенский

КГБ в Русском Зарубежье

Научный редактор В. Снитковский

Редактор М. Ахметова

Copyright © 2012 by K. Preobrazhensky

Copyright © 2012–2024 by M•Graphics Publishing

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without written permission from the copyright holder, except for the brief passages quoted for review.

ISBN 978-1-934881880

Library of Congress Control Number: 2012946838

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

Дизайн обложки / Cover Design: П. Крайтман © 2012

Printed in the United States of America

«Если прекрасно организованные разведывательные и контрразведывательные службы капиталистических стран нередко становились жертвами советского шпионажа и провокаций, то что могли противопоставить чекистам эмигранты, не имевшие сколько-нибудь надежной защиты от проникновения агентуры в их среду?»

Борис Прянишников,

«Незримая паутина», Нью-Йорк, 1979

«НЕТ НИЧЕГО ТАЙНОГО, ЧТО НЕ СДЕЛАЛОСЬ БЫ ЯВНЫМ...»

Эти вещи слова Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Евангелие от Марка, 4, 22) могли бы стать эпиграфом к публикуемой книге. Я читал ее с увлечением и огромным интересом, поскольку был свидетелем и участником церковной жизни второй половины XX века. Разумеется, более всего интересовало меня то, что автор пишет о печальной судьбе Русской Зарубежной Церкви, большая часть которой теперь порабощена своими давними гонителями.

Обратившись к истории, можно утверждать, что Зарубежная Церковь в течение долгих десятилетий была самым непримиримым врагом коммунизма. Достаточно вспомнить 1921 год — «Послание к Мировой Конференции» (Генуэзской), которую опубликовал Собор, состоявшийся в Сремских Карловцах. Там, в частности, говорилось:

«Народы Европы! Народы мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевиков — этот культ убийства, грабежа и богохульства — из России и всего мира».

Зарубежная Церковь обличала большевиков и их приспешников всегда — вне зависимости от того, насколько «холодной» была война между СССР и Западом, и, не оглядываясь на то, что именно в каждый момент провозглашали кремлевские идеологи — «мирное сосуществование» или «разрядку напряженности». И, разумеется, советские «спецслужбы» вели с «карловчанами» беспощадную борьбу.

Особенный мой интерес вызвала глава «Удачная операция КГБ в Иерусалиме». Там речь идет о двух епископах — Григории и Антонии. (В миру — Георгии Павловиче и Алексее Георгиевиче графах Граббе.) С ними обоими я был хорошо знаком и состоял в дружеских отношениях.

И вот мне припомнилась весна 1997 года, я тогда был в Америке и всякий день приезжал в местечко Орадейл (Нью-Джерси). Там жила старшая дочь епископа Григория — Анастасия Георги-

евна Шатилова, в ее доме тогда хранился архив отца. (Впоследствии при моем посредничестве этот архив был передан в Стэнфордский университет.) А в те дни я знакомился с письмами Владыки Григория, целью моих занятий было подготовить к печати некоторую часть его эпистолярного наследия.

Помню, как взволновало меня письмо, которое будущий епископ Григорий адресовал В.И. Алексееву (написано оно было 25 мая/7 июня 1972 года). Речь там идет о том, как отец и сын Граббе совместными усилиями свели на нет пропагандистский эффект визита московского патриарха Пимена в Святую Землю. Тогда меня осенила догадка: именно тот эпизод мог стать причиной того, что в Москве, на Лубянке было принято, а впоследствии и осуществлено важное решение: отец и сын Граббе должны быть отстранены от руководства Русской Зарубежной Церковью. Подробнее об этом пишет сам Константин Преображенский, он в частности сообщает: «...в сентябре 1986 года полковник Я. довольным голосом сообщил, что нам наконец-то удалось освободиться от представителя Русской Церкви в Иерусалиме, который нам сильно мешал». (стр. 160).

А еще мне бы хотелось обратить внимание читателя на то, что осведомленный автор сообщает о Московской Патриархии (глава «Врачи душ человеческих»):

«Цель работы КГБ против Церкви состояла в наводнении ее своей агентурой для подрыва деятельности изнутри, в частности, для того, чтобы на высшие архиерейские посты назначались люди с подмоченной репутацией, которыми легко манипулировать». (стр. 191)

Эти строки живо напомнили мне одно из высказываний К.М. Харчева — этот человек был предпоследним председателем Совета по делам религий при Совете министров СССР. В одном из интервью он сказал следующее:

«Мы в течение семидесяти лет боролись с Церковью. В частности, постоянно заботились о том, чтобы на все важные должности назначались заведомо аморальные и растленные личности. А теперь мы хотим, чтобы эти самые люди совершили духовное возрождение нашего народа».

Несчастливая Россия, бедная, бедная наша страна...

Протоиерей Михаил Ардов

НАДО ГОВОРИТЬ ПРАВДУ

(Вместо предисловия)

1

«ЭТОТ ВОСПИТАННЫЙ МАЛЬЧИК ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ДРУГИХ ДЕТЕЙ руководства КГБ! Мы его имеем в виду!». Так сказал обо мне все- сильный Юрий Андропов, председатель КГБ и член Политбюро, зимой 1975 года. Этим историческим высказыванием, тотчас ставшим известным всем, кому надо, он устранил главное препятствие для моего трудоустройства в разведку. Ведь мой отец был генералом КГБ, заместителем начальника пограничных войск СССР. А отец и сын не могут служить в одном ведомстве, иначе это будет протекционизм и семейственность, недопустимые в самом справедливом в мире советском обществе. Но если такое совмещение разрешит лично Андропов, то все же могут...

Это считалось тогда совершенно нормальным. Ведь служба в разведке сулила огромные привилегии и позволяла жить за границей. Простой советский человек об этом даже мечтать не мог и не должен был знать. Поэтому случайных людей в разведку не допускали.

«Среди нас случайных людей нет!» — этот девиз произносили в советских посольствах совершенно открыто.

Я же тогда был студентом выпускного курса Института стран Азии и Африки при МГУ и находился на годичной стажировке в Японии, в университете «Токай». Я наслаждался удивительной атмосферой этой любимой мною страны, где научно-технический прогресс соседствует с седой стариной.

Мои ровесники, двадцатилетние японские студенты, тоже руководствовались средневековыми правилами поведения, не мешавшими им проникаться и современной западной культурой. Наиболее ярко это удивительное сочетание проявлялось в национальных видах спорта, и особенно в карате. Поэтому я поступил в университетский клуб этой традиционной японской борьбы, но отнюдь не для того, чтобы стать спортсменом. Я хотел увидеть Японию изнутри, такой, какой она была столетия назад.

Возвратившись в Москву, я написал небольшую повесть «Карате начинается с поклонов». Опубликованная журналом «Вокруг света», она приобрела огромную популярность. Даже сей-

час, спустя тридцать пять лет, я встречаю ее в Интернете. Карате тогда переживало бум популярности в Советском Союзе, и я получил целый чемодан читательских писем со всей страны. Это было не только лестно для двадцатидвухлетнего начинающего писателя, но и внушало тревогу. Мне стали звонить из многочисленных московских институтов и приглашать у них выступить. Я же был вынужден отнекиваться, выдумывать всякие дурацкие предлоги. Ведь я только что стал лейтенантом КГБ, а публичные выступления бойцов невидимого фронта там не поощрялись. Это считалось признаком нескромности, особенно недопустимой для молодого чекиста.

— Да вы не волнуйтесь, мы вам заплатим! — успокаивали меня собеседники.

— О, нет, только не это! — восклицал я и вешал трубку. Представляю, что думали обо мне на другом конце провода! Но для меня было важнее то, что подумают в разведке, а там вполне могли сказать так:

— Не успел к нам устроиться, а уже деньги заколачивает!

Я давно знал, что буду работать в разведке КГБ. В моем положении другого выхода не было. Ведь по профессии я японовец, что предполагает посещения этой страны, а сделать это в советское время можно было только при помощи КГБ. Это правило распространялось на специалистов по всем другим западным странам, и особенно по США. Нельзя было кататься за рубеж в качестве журналиста, преподавателя или переводчика и при этом никак не быть связанным с КГБ. Исключение делалось только для сыновей работников ЦК КПСС, потому что партия стояла выше, чем КГБ, и их нельзя было вербовать в агенты.

Мой отец объяснил, что у меня есть только два пути: стать агентом, то есть тайным осведомителем КГБ, не входящим в его кадровый состав, или кадровым офицером — разведчиком, чье положение независимо. Если агент вынужден постоянно трястись от страха, не зная, что о нем думает КГБ и выпустит ли оно его в следующий раз за границу, то офицер сам вербует таких агентов, и из КГБ его никогда не уволят.

Разумеется, никаких романтических иллюзий в отношении того, чем занимается эта организация, у меня не было. Учась в Японии, я тайком от товарищей покупал разоблачительные книги о месте своей будущей работы, которых тогда много выходило на Западе. Даже фасад здания штаб-квартиры разведки в подмосковном Ясеневе я вначале увидел на странице антисоветской книжки, а только потом воочию. До сих пор помню охва-

тившее меня странное чувство узнавания, когда из-за деревьев леса выплыл его солидный приземистый фасад темного стекла.

— Эге, да ведь та фотография была сделана отсюда, уже из запретной зоны! Какая же это разведка, если о ней все известно? — подумал я.

Здесь я вскоре увидел Андропова. В 1978 году он приезжал к нам в Ясенево проводить читательскую конференцию по книге Брежнева «Малая земля». Помню, как разведчики всех возрастов, от юных комсомольцев до ветеранов, выходили на трибуну огромного зала и прочувствованно, чуть ли не со слезой в голосе, просили Андропова передать Брежневу благодарность за эту книгу. Андропов добродушно усмехнулся и обещал выполнить пожелание разведчиков. Так я увидел его знаменитую дружескую улыбку, которая доставалась немногим.

Как ни странно, его разрешения оказалось недостаточно для моего устройства в разведку. Заместитель Андропова по кадрам, Владимир Пирожков наотрез отказался подписывать мои документы. Разумеется, это диктовалось отнюдь не принципиальными соображениями, а какими-то трениями с моим отцом: ведь высокие начальники в КГБ словно пауки в банке, в этом я потом имел много случаев убедиться. Говорят, что и в ФСБ сейчас то же самое.

Свой отказ Пирожков объяснил следующим образом:

— А если он будет в Японии драться, и ему очки разобьют? Как же он будет защищать интересы Родины?!.

Это была вторая историческая фраза высшего руководителя КГБ, предшествовавшая моему поступлению в разведку. Оказывается, Пирожков не знал, что советские разведчики за рубежом не дерутся! Что при малейшей опасности они испуганно вбирают голову в плечи и спешат в ближайший аэропорт! Пирожков был партийным работником, бывшим вторым секретарем Алтайского крайкома КПСС и сам никогда оперативной работой не занимался. Он имел только одну профессию: руководить. Мой отец терпеть не мог партийных работников, считал их бездельниками и паразитами на народном теле. Но, разумеется, об этом помалкивал.

Впрочем, его друзьям удалось обмануть Пирожкова. Накануне первого сентября 1976 года меня всего лишь послали не в разведывательный Краснознаменный институт КГБ, где подобает учиться детям больших начальников, а в менее престижную школу контрразведки в Минске. В этом помог Виктор Чебриков, будущий председатель КГБ. В то время он был начальни-

ком управления кадров КГБ, и ему подчинялись все учебные заведения, кроме шпионских. Для устройства в Минскую школу контрразведки подписи Пирожкова не требовалось. Но все равно с этого момента мое звание лейтенанта запаса, полученное на военной кафедре МГУ, стало реальным воинским званием.

Учеба в малопрестижной Минской школе КГБ оказалась столь захватывающе интересной, что я до сих пор использую в своих книгах занимательные истории, которые узнал там. День ото дня мы с изумлением открывали еще одну, параллельную жизнь нашей страны. Она даже не была особенно скрыта от посторонних, но простые люди ее не замечали, настолько она не соответствовала их обыденным представлениям. Эта жизнь состояла из лжи, стукачества, слежки, подсматривания, подслушивания, подтасовок, подстав, имитаций, выведываний, негласных обысков, провокаций, лежащих на дороге камней с запрятанной в них техникой подслушивания, двусмысленных разговоров и множества невероятных и нелепых случаев. Она охватывала всю нашу огромную страну. Знание этой тайной жизни СССР помогло в дальнейшем и нам, молодым чекистам, самим избежать многих ловушек. Разведывательная же учеба в пресловутом Краснознаменном институте КГБ, о котором мечтали многие, наоборот, оказалась скучной. В 1978–79 годах я приезжал туда на лекции вечерами, после работы в Ясенево.

Занятия в Минской школе КГБ были простыми, никаких усилий не требовали, и там я написал еще одну повесть — о средневековых традициях в жизни японской молодежи. Называлась она «Очень новая старая пагода» и также была опубликована в журнале «Вокруг света». А через десять лет, в 1987 году, она, вместе с повестью «Карате начинается с поклонов», была издана Ленинградским отделением АН СССР в академической антологии «Советские писатели о Японии, 1917–1987». Это были лучшие литературные произведения о Стране восходящего солнца, изданные за шестьдесят лет советской власти. Перелистав ее, я поразился тому, что опубликован в одной книге с Константином Симоновым, Ильей Эренбургом и другими знаменитыми советскими писателями. Ко времени ее издания все авторы уже отошли в мир иной, кроме Владимира Цветова и меня. И кроме того, я был самым молодым автором среди них, мне было всего 22–23 года.

В 1980 году сбылась мечта моей студенческой юности. Я стал зарубежным корреспондентом! Корреспондентом ТАСС в Токио! С радостью я встретился с нежно любимой страной после четы-

рехлетнего перерыва. Новые впечатления нахлынули на меня, и я опубликовал немало статей в «Комсомольской правде», «Советской культуре» и других газетах. В основном писал о японской культуре, политики же старался не касаться, чтобы не врать лишний раз. А по окончании первого года заграникомандировки издал в Москве свою первую книгу «Бамбуковый меч». Поскольку она вышла в издательстве военного журнала «Пограничник», мне пришлось выступить под псевдонимом. Имя я взял у отца, а фамилию — у прадеда. Получилось «Георгий Астахов». Имя Георгий — мое любимое. Оно было моим псевдонимом в секретных зашифрованных телеграммах КГБ. Им же я назвал своего сына.

— Пис-сатель! — насмешливо тянули сидевшие за письменными столами товарищи, когда я входил в секретную комнату резидентуры КГБ в Токио. Она находилась на самом верхнем, десятом этаже советского посольства.

Слово «писатель» на языке чекистов означает «не наш человек». Ведь вся многогранная деятельность КГБ направлена в том числе и на борьбу с писателями. Если ты строчишь дезинформационные статьи по заданию разведки, то это нормально, а если сочиняешь для души, то это вызывает подозрение. Считалось, что разведчик, выступающий под журналистским прикрытием, все же должен изредка публиковаться, чтобы показать, что он журналист. Это называлось «зашифровкой оперативной деятельности». Но если публицистика офицера разведки выходила за рамки зашифровки и становилась самоцелью, на это смотрели косо. Чекисты не верили, что человек, занимающийся литературным творчеством, может быть предан советской власти. В этом они не ошибались. Духовными корнями наша семья была связана с дореволюционной Россией, а не советской.

2

Со школьных лет меня волновала тема русской эмиграции. Как это так — русские, но не наши? У моего школьного друга родственники были белоэмигрантами, и он даже тайком показывал их невиданные тогда цветные фотографии, присланные из США. С волнением я вглядывался в их лица: ведь это были люди царской России, живущие в наши дни!

Попав в студенческие годы в Японию, я впервые увидел живых русских эмигрантов. Они оказались похожими на людей с дореволюционных фотографий. Разумеется, я бежал от них как от огня, потому что общаться с эмигрантами нам запрещалось.

Потом я узнал, что и сам мог быть одним из них. Мой прадед Андрей Астахов тоже попытался эмигрировать во время Гражданской войны. Эта неудачная попытка мистическим образом потом привела к моему рождению, в чем я усматриваю некий знак свыше.

При царе прадед был адвокатом, помощником присяжного поверенного, как и Ленин. И они даже были знакомы, потому что жили в одном и том же маленьком городке, Симбирске. Интеллигенции там было мало, и все общались друг с другом. С Лениным они были одноклассники, но, видимо, не сошлись по политическим взглядам, а вот с его младшим братом Дмитрием, имевшим более легкомысленный характер, мой прадед подружился. Эта дружба потом помогла ему в годы советской власти.

Разумеется, это было нашей семейной тайной, поскольку весь круг официально признанных знакомых Ленина был давно утвержден, а все остальные подлежали уничтожению.

Когда в сентябре 1918 года красные войска заняли Симбирск, мой прадед с семьей помчался на вокзал и добрался до китайской границы, но то ли она была перекрыта, то ли их остановили на подступах к ней. Дело кончилось тем, что молодой чекист-латыш сказал моему прадеду так:

— У меня сейчас нет времени с тобой возиться, буржуйская сволочь. Поезжай назад, пусть тебя на следующей станции расстреляют!..

Возвращаться в Симбирск после этого уже было нельзя, и семья прадеда прибыла в Москву. Там жил муж его сестры Александры, известный зоолог Яков Тоболкин. В его арбатском доме в Спасо-Песковском переулке на Арбате они и поселились.

Мой прадед был убежденным противником новой власти и благословил своего сына вступить в армию Колчака. После Гражданской войны его сын жил в Ленинграде. В 1934 году, когда там убили Кирова, тотчас начались широкие аресты людей нежелательных категорий, в первую очередь, бывших белых офицеров. Мой прадед обратился со слезной просьбой к своему другу Дмитрию Ульянову, который в то время жил в Москве и не занимал руководящих должностей. Он был врачом. По данным Википедии, с 1921 года Дмитрий работал в Наркомздраве, Коммунистическом университете имени Свердлова, Коммунистическом университете трудящихся Востока, в научном секторе поликлиники Сануправления Кремля. Видно, что советская власть ему не особенно доверяла. Но каким-то личным почетным влиянием он все же обладал. Заступничество брата Ленина

спасло моего двоюродного деда от расстрела, и его всего лишь сослали в Сызрань.

Это было нашей самой главной семейной тайной. Я об этом ничего не знал вплоть до девяностых годов. Ведь происходило невероятное, фантастическое: мой отец, генерал КГБ, то и дело ходил на личный доклад к Андропову, а его родной дядя был белым офицером, колчаковцем. Разве такое возможно?! Причина этой опаснейшей несуразности была в том, что при приеме в КГБ родственников по боковым линиям не проверяют. Да и очень во многих русских интеллигентных семьях были такие тайны.

Дмитрий Ульянов продолжал опекать и самого прадеда, даже организовал ему пенсию от советской власти. Он избежал репрессий, хотя и был до революции членом Кадетской партии. Прадед умер своей смертью в печально известном 1937 году. Его отпевали в церкви св. Апостола Филиппа на Арбате, где сейчас находится Иерусалимское подворье.

А тогда, в 1918 году, Тоболкин был рад принять семью прадеда, потому что боялся «уплотнения» своего дома разношерстной публикой от большевиков, точь-в-точь как профессор Преображенский из булгаковского «Собачьего сердца». Не исключено, что сам он и послужил его прототипом, потому что делал такие же операции по пересадке органов, и тоже на кухне. В 1927 году вместе с наркомом здравоохранения Семашко Яков Тоболкин основал знаменитый обезьяний питомник в Сухуми.

И у него тоже был молодой врач-ассистент, каким у героя Булгакова был Борменталь. Но врач-ассистент Тоболкина носил фамилию Преображенский! Это был мой дед. Возможно, Булгаков присвоил его звучную церковную фамилию главному герою, а самого вывел под фамилией Борменталь. Теперь этого уже не проверишь, спросить не у кого. Но с писательским миром Тоболкин общался. Маяковский в своей пьесе «Клоп» вложил в уста одного из героев такую фразу: «Иметь советует доктор Тоболкин на случай оплевания раствор карболки!». До сих пор помню, как я вздрогнул, услышав ее в спектакле Московского театра сатиры еще будучи школьником...

Тоболкин лечил собаку Маяковского, а также домашних животных всей советской верхушки, в том числе и ленинского кота. Из этого следует, что он тоже был знаком с Лениным.

Будучи сыном тобольского священника, он привечал у себя в доме поповичей со всей России, которым в те годы приходилось несладко. Одним из них был мой дед, Александр Петрович, ставший потом довольно известным врачом — эндокринологом

в Кремлевской больнице. Он умел исцелять своих пациентов, что было особенно непросто в те годы, когда не было такой разнообразной медицинской аппаратуры, как в наши дни. Поэтому он пользовал не только советских руководителей, но и иностранных. В частности, в начале семидесятых годов он исцелил короля Марокко Хасана Второго. За это он удостоился чести погостить в королевском дворце. В те годы такое приглашение было таким неслыханным делом, что вопрос о том, выпустить ли моего деда к королю в Марокко, решал сам А. Н. Косыгин, председатель Совета министров СССР. А в пятидесятые годы дед тоже весьма успешно лечил албанского коммунистического диктатора Энвера Ходжу, благодаря чему я на многих детских фотографиях изображен в белой войлочной феске, которая называлась «албанской шапочкой». Дед не имел личного доступа к Сталину, но как рассказывал мне отец, его все же пару раз вызывали к нему для консультации в 1953 году. Это было смертельно опасным, и до самой смерти Сталина дед спал не раздеваясь, поставив у постели чемоданчик с предметами личной гигиены на случай ареста.

Строго говоря, поповичем он не был, потому что семья Преображенских оставила церковное служение за два поколения до него. Как и многие выходцы из духовной среды, они стали учителями, врачами. Но продолжали жить в своей родной деревне Тургиново Тверской епархии, где их деды были священниками.

Видимо, Преображенские служили церкви с восемнадцатого века. Первый из них, как рассказывала мне бабушка, был писарем в Запорожской Сечи и носил украинскую фамилию. Когда в 1775 году Екатерина Вторая ликвидировала Запорожскую Сечь, он перебрался в Россию, стал священником в Тверской епархии и был удостоен фамилии Преображенский. Фамилии в честь двенадцатых праздников, одним из которых является Преображение Господне, давались лучшим выпускникам духовных семинарий.

Недавно я узнал, что предки нынешнего российского лидера Владимира Путина тоже происходят из села Тургинова. Рождество 2011 года он встречал в его восстановленной церкви, где когда-то были священниками мои прадеды. Но вряд ли мы с Путиным являемся дальними родственниками, потому что наши предки принадлежали к разным сословиям, духовному и крестьянскому.

В 1927 году мой дед женился на племяннице жены Тоболкина Наталье Астаховой, но брак вскоре распался, дед завел другую

семью. Молодая жена умерла с горя, и моего отца с младенчества воспитывали его бабушки, старые интеллигентки. Поэтому в тридцатые годы, когда по всей стране звенели пионерские песни, он умудрился получить дореволюционное воспитание. У него даже была бонна — немка, выучившая его свободно говорить по-немецки. Именно поэтому в нашей семье негласно царил культ старой России.

В тоболкинском доме на Арбате хранилось много семейных реликвий, в том числе и священнические кресты, которые мой отец любил надевать на себя в детстве.

В тридцатые годы Яков Тоболкин получил от властей разрешение лечить также и домашних животных иностранных послов. И поэтому он не увидел ничего странного в том, что 21 июня 1941 года его вызвал немецкий посол граф Шульенбург и попросил усыпить свою собаку. Ведь Германия считалась тогда лучшим другом! Сама эта операция для Тоболкина не составляла труда, ведь ему приходилось усыплять даже слона! Вот как об этом сообщала газета «Московские вести» в 1909 году:

«Вчера безнадежно заболевший слон Зоологического сада Зембо был умерщвлен посредством сильной дозы хлороформа.

Накануне ему вприснули 10 граммов морфия. Вчера, в 8 час. утра, перед операцией хлороформирования ему снова был вприснут морфий в двойной дозе, т.е. 20 граммов. Через час, в 9 часов утра, было начато хлороформирование Зембо.

На хобот ему был вылит раствор 2,5 кило хлороформа. Через полчаса пульс слона с 70-и понизился до 44-х ударов и затем становился все слабее и слабее. Через час приблизительно слон, по определению производившего операцию ветеринарного врача Зоологического сада Я.А. Тоболкина, был мертв».¹

Резиденция германского посла располагалась неподалеку, в Чистом переулке, дом 5. После разрыва дипломатических отношений с гитлеровской Германией НКВД поселил в этом доме главу Московской патриархии.² Какие после этого могут быть сомнения по поводу ее происхождения от НКВД?

Именно в этом доме и состоялся последний врачебный визит Якова Тоболкина. Он послушно вприснул яд огромному догу,

¹ <http://starosti.ru/archive.php?m=6&y=1909>

² «Посольство Федеративной республики Германия в Москве. Канцелярия и резиденция, их история в XX столетии» http://www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/02/_Kanzlei_und_Residenz.html

однако в НКВД не сообщил. А это, между прочим, был признак начала войны, о которой советское правительство якобы ничего не знало! Ведь на завтра посольству предстояла спешная эвакуация, и собака могла стать лишней обузой.

На следующий день германские войска действительно напали на Советский Союз, а Тоболкина арестовали за сокрытие признаков начала войны, и он исчез. Уже в семидесятые годы, будучи генералом КГБ, мой отец выяснил обстоятельства его смерти. Оказывается, Яков Тоболкин умер в самом начале войны в Саратовской тюрьме, где содержались высокопоставленные заключенные из Москвы. Тоболкина не расстреляли, как многих из них, а забили на допросе. Ведь он уже был пожилым и весьма больным человеком.

Как ни странно, Тоболкина вскоре реабилитировали.

— Ведь он у вас уже старый был! — примирительно произнес офицер НКВД, вручая его жене справку о реабилитации. Это спасло от репрессий весь наш клан родственников, живших в его доме.

Впрочем, жить там им оставалось недолго. В 1941 году в особняк попала немецкая бомба, и в начавшемся пожаре погибли обе бабушки-воспитательницы. Заботиться о моем отце, которому исполнилось тринадцать лет, стало некому. И мой дед, уже будучи кремлевским врачом, не нашел ничего лучшего, чем устроить его в военную спецшколу.

Дом же Тоболкина уцелел и был сломан лишь в семидесятые годы. В юности я часто ездил на Арбат смотреть на него. С особым волнением я прогуливался по крошечному двору: ведь именно здесь была написана знаменитая картина Василия Поленова «Московский дворик»! Сейчас на месте тоболкинского дома воссоздано родовое гнездо Поленовых.

А мой отец с детства хотел стать врачом, как и все его родственники, а вовсе не военным. Он потом горевал, что всю жизнь занимался не своим делом. Но даже на этом поприще он достиг больших успехов. Окончив в 1951 году Военно-инженерную академию имени Куйбышева, отец был распределен в строительные войска МГБ, строил первые ракетные базы вокруг Москвы. Министрство государственной безопасности после смерти Сталина претерпевало бесконечные переформирования, в результате которых в пятидесятых годах мой отец оказался в строительном отделе пограничных войск КГБ. Он поднялся на самую их вершину, став заместителем начальника войск по строительству и расквартированию.

Так мы оказались в весьма двусмысленном положении. С одной стороны, мы вошли в нижний слой высшей советской номенклатуры, а с другой — и при царе мы бы жили не хуже. Однако свойственной тому времени духовной свободы теперь не было. Тоска и ложь брежневской эпохи давили на душу, а все наши привилегии были призрачны, их мы могли лишиться в любой момент.

С детства я мечтал стать священником. Сказался, видимо, голос предков. Помню, мне было всего лет пять, когда родители привели меня в раззолоченный зал какого-то из кремлевских музеев. И я вдруг представил, что стою здесь в сверкающем облачении священника. Дома я оборачивался простыней, изображавшей рясу, и расхаживал по квартире, помахивая самодельным кадилом из пластилина и ниток. Родители смеялись, но ничего не говорили. Следует отметить, что всякая информация о церкви тогда была запретной, и откуда она пришла ко мне, я не знаю.

Когда я повзрослел, отец объяснил мне, что в Духовную семинарию мне поступать нельзя. Потому что тогда его с треском выгонят с работы, и наша семья пострадает, лишится всех благ, а ведь вокруг нас кормилось много родственников. Можно, конечно, поступить туда через КГБ, но этого делать не стоит...

Эта раздвоенность мучила моего отца. Вместе с многолетним перенапряжением сил на нелюбимой работе и тяжелой обстановкой в руководящих слоях КГБ, она привела к его ранней смерти в 1987 году, в возрасте всего лишь пятидесяти восьми лет.

3

А в начале восьмидесятых годов, когда я работал в Японии, он еще пребывал в расцвете своей карьеры. Я — тоже. Писательство отнюдь не мешало шпионской работе, чего так опасались мои коллеги.

Я очень легко налаживал контакты с японцами, мне было о чем с ними поговорить. Разведчик должен иметь много связей среди местных жителей, чтобы некоторых из них склонить к сотрудничеству с КГБ.

А я до сих пор всей душой предан японской культуре. Это отличало меня от многих других работников научно-технической разведки. Они были инженерами, врачами, представителями точных наук, но не японистами. Японский язык они начали учить взрослыми, лет под тридцать, в Краснознаменном инсти-

туте КГБ. Хотя им был положен самый долгий срок обучения, трехлетний, они все равно не успевали его освоить. А уж национальная психология японцев, их мифы и предания вообще оставались для таких разведчиков темным лесом. Они не могли душевно расположить к себе японца, подружиться с ним. А ведь без всего этого невозможна вербовка!

А что же тогда говорить о вербовке граждан КНР в Японии? Они были настолько чужды и непонятны, что с ними вообще не могло быть никакого человеческого общения. А ведь Андропов в начале восьмидесятых годов сделал работу против Китая самой главной для многих резидентур КГБ, и в первую очередь для токийской. Китай считался «Вторым Главным противником» после США. На территории КНР вербовать жителей было невозможно. Стоило советскому разведчику-дипломату выйти из посольства на улицу, как его окружала толпа в тысячи человек.

Я решил ухватиться за это указание Андропова и в своей вербовочной работе сосредоточиться на китайцах, а не на японцах. Потому что зачем мне шпионить против своей любимой страны? Боже, как же я просчитался!

Общение с китайцами у меня шло как по маслу, потому что к китайской культуре я тоже испытываю любовь. Ее мне привил бывший представитель СССР в ООН Н. Т. Федоренко, один из высокопоставленных пациентов моего деда. До сих пор помню, как летом 1969 года, когда я переходил в десятый класс, мы все вместе — отец, дед и я, — три поколения бывших поповичей Преображенских, сидели на веранде Федоренковской дачи во Внуково на роскошных китайских креслах. Как известно, Федоренко был переводчиком Сталина и Мао Цзэдуна и бесконечно любил культуру Дальнего Востока.

Эта встреча произвела на меня такое глубокое впечатление, что я решил было стать китаистом. Но в семидесятые годы это было гиблым делом, потому что все контакты с Китаем были заморожены, а в Гонконг и на Тайвань советские люди не могли ездить. Я был устроен на самое перспективное, японское отделение Института стран Азии и Африки. Но все равно в каждой китайской вещице я ощущал что-то свое, родное.

Китайцы чувствовали это, охотно шли на контакт. Это были ученые и студенты из КНР, приехавшие в Японию перенимать знания. Они представляли особый интерес для советской научно-технической разведки. Двоих из них я завербовал, они дали мне расписки о согласии работать на КГБ. Произошло это на пятом году пребывания в Токио, когда я уже набрался опыта.

Вербовка гражданина КНР считалась огромным успехом. Летом 1984 года меня даже вызывали в Москву на совещание передовиков. Я рассказывал о своих вербовках китайцев, стоя на трибуне перед огромным залом, той самой трибуне, на которой я несколько лет назад видел Андропова.

Но один из завербованных мною китайцев выдал меня японской контрразведке. Толпа ее офицеров накинулась на меня ночью, когда я шел встречаться с ним в токийском парке Сэндзоку в конце июля 1985 года. Через два часа меня отпустили, но все равно моя разведывательная карьера была уже кончена.

Однако законов Японии я не нарушал, потому что там нет закона о шпионаже. Кроме того, завербованный мной китаец не был подданным Японии, и эта вербовка никакого ущерба ей не наносила. Потом, в девяностые годы, японские журналисты в Москве говорили мне, что я не должен был так просто сдаваться, мне следовало нанять адвоката и отстаивать свою правоту. Но в советское время об этом нельзя было даже думать!

КГБ избрало самый примитивный способ решения проблемы. Мне было приказано улететь в Москву, а на следующий день началась мощная кампания в местной прессе. Японцы на все лады смаковали то, что СССР, оказывается, шпионит против Китая, такой же коммунистической страны. Сам же Китай не проронил ни слова.

И именно в эти дни в русские книжные магазины Токио поступила в продажу моя новая книга «Спортивное кимоно», выпущенная в 1985 году московским издательством «Физкультура и спорт». Это была первая в СССР книга о японском спорте.

В один день все кончилось: эта трагедия переменяла всю мою жизнь. Но больше всего меня печалило то, что я не смогу дописать книгу «Беседы с классиками». Это была серия длинных рассказов о встречах с выдающимися японскими писателями. С тремя я уже пообщался — с Ясуси Иноуэ, Кэндзабуро Оэ и Ибусэ Масудзи. Рассказы о них уже были опубликованы в литературных альманахах в Москве. Мне удалось познакомиться даже со знаменитым Кобо Абэ и договориться о встрече! Разрыв с обожаемой Японией стал для меня тяжелым ударом.

Перед командировкой в Японию

В Москве же меня ждала целая серия потрясений. «Вчера вас японцы ударили, а завтра свои добавят!» — предупредил меня заместитель Генерального директора ТАСС Чуксеев, к которому я зашел попрощаться.

Из первого я стал последним. Еще вчера начальство считало меня одним из лучших работников по Китаю, а сегодня подвергало долгим и оскорбительным допросам. На столе начальника отдела лежала пачка японских газет со статьями обо мне, но читать их мне не давали, чтобы найти противоречия между их содержанием и тем, что я рассказал. Стоило мне выйти после работы на улицу, как сзади тотчас пристраивалась слезка. На партийных собраниях друзья отрекались от меня, показывая свою партийную принципиальность. Внутренняя контрразведка замучила меня глупыми вопросами, так что в душе я говорил сам себе: «Эх, жаль, что я не убежал в США!». Впрочем, японцы мне этого и не предлагали. Они почему-то считали всех советских разведчиков фанатиками-коммунистами, как в тридцатые годы. О, как я хотел рассказать о происходящем со мной всему миру! Я тогда и представить не мог, что это станет возможным.

Скоро перебежал на Запад очередной советский разведчик. И руководство отдела осознало, что я-то ведь не убежал, вернулся на родину! Вот, дескать, какой они создали в своем отделе высокий уровень патриотизма! Во всяком случае, скандал затих.

А как я мог убежать, если у меня ребенок оставался в Москве? Да и отца было жалко. Страшно представить, как бы его растоптали на старости лет в случае моего побега!

Сам же он готовился к увольнению по состоянию здоровья. По негласному правилу КГБ, генерал, уходящий на пенсию с должности не ниже, чем заместитель начальника главного управления, имел право обратиться к председателю КГБ с одной какой-нибудь просьбой. И ее, как правило, удовлетворяли. Отец попросил о том, чтобы меня не очень уж преследовали и как-нибудь приподняли по службе.

И ему пошли навстречу! Меня ввели в группу помощников начальника научно-технической разведки, генерал-майора Леонида Зайцева. Я стал его референтом по Китаю и спичрайтером, автором речей. И поэтому получил высокое звание подполковника в возрасте всего лишь тридцати трех лет. Помогло и то, что второй китаец, которого я довел до вербовки, продолжал сотрудничать с советской разведкой несмотря на мой шпионский скандал.

В Ясенева же моя деятельность была скучной и состояла в написании уклончивых бумажек. Иногда я с умным видом инструк-

тировал разведчиков, уезжающих шпионить против Китая во все страны мира, но сам туда не ездил их проверять. Я знал, что принято решение никогда больше не выпускать меня за границу. Что может быть ужаснее для журналиста-международника?

Тоска овладела мною. Да и работы особой не было — приходилось сидеть и ждать, когда позвонит начальник разведки и даст поручение что-нибудь написать. Из кабинета нельзя было выходить лишний раз, чтобы не прозевать генеральский звонок. Советская разведка, как и все наше общество, была страшно бюрократизирована.

Я погрузился в среду больших начальников КГБ, полную темных страстей, зависти и ненависти друг к другу. По долгу службы я общался со всеми заместителями начальника научно-технической разведки, руководившими работой кто по Китаю, кто по США, кто по Европе. Я понял, что главное для каждого из них — утереть нос другому. Поскольку я был вынужден контактировать со всеми, то каждый старался втянуть меня в интриги против всех остальных. От этого я, конечно, уклонялся. Именно тогда обо мне впервые стали говорить, что я «не наш человек».

Душою же я по-прежнему был в Японии, мучился от невозможности увидеть ее хоть одним глазком. В ностальгической тоске о ней я написал книгу «Как стать японцем». Она стала первой в СССР книгой о воспитании детей в Японии — со второго дня жизни до окончания университета. Ее опубликовало издательство «Молодая гвардия» в 1989 году. Предисловие к ней не побоялся написать известный журналист Владимир Цветов. За это я ему поныне благодарен и чту его память.

Тут же я принялся за следующую книгу — о тех сторонах японской жизни, которые советские корреспонденты обычно обходят своим вниманием. О мафии и полиции, о национальных традициях в употреблении алкоголя, об особенностях семейной жизни и, конечно же, о религии. Книга так и называлась: «Неизвестная Япония» и была опубликована московским АО «Япония сегодня» в 1993 году, уже после моего ухода из КГБ.

А о том, что из КГБ пора уходить, я догадался в 1990 году. Тогда я почувствовал первые признаки готовящегося переворота. По воскресеньям нас стали вызывать на какие-то дурацкие военные учения. Они заключались в том, что надо было приехать в Ясенево рано утром и, зевая, сидеть по кабинетам до середины дня. Однако при входе на объект были установлены водометы на случай штурма народными толпами. Но кому, скажите на ми-

лость, придет в голову штурмовать разведку? Это было нагнетание паники у Горбачева, которое проводил председатель КГБ Крючков.

Разумеется, мы не знали о предстоящем путче августа 1991 года. Но тревога висела в воздухе. Мы понимали, что после переворота начнутся массовые репрессии. Непосредственно участвовать в них нам, секретным офицерам разведки, может быть, не придется, но доля моральной ответственности на нас ляжет. А кроме того, мы и сами могли стать жертвами этих репрессий, потому что за годы перестройки наболтали много лишнего, особенно я. Разведчики демократических убеждений, — а такие были! — поспешили уволиться.

«Да, уходите, вы не наш человек!» — согласились начальники. Весной 1991 года я в последний раз переступил порог проходной Ясенева и вдохнул воздух свободы.

4

Первым делом я дал интервью газете «Московский комсомолец» под заглавием «Счастлив, что не надо больше врать!» В разведке оно не понравилось. Знали бы они, что их еще ожидает!

А КГБ вскоре рухнул, хотя, как выяснилось, не навсегда. Я тотчас помчался к японским корреспондентам в Москве и рассказал о своем намерении издать в их стране книгу о КГБ.

— Ты опоздал, дружок! КГБ больше не существует! — усмехнулись они.

— Вы скоро убедитесь в том, что это не так! — парировал я.

Кстати, фраза о том, что КГБ якобы больше не существует, потом была взята на вооружение путинской пропагандой и внедрена в сознание жителей Запада. Мне приходится часто слышать ее даже в Америке наших дней.

Но, к счастью, среди японских журналистов в Москве нашелся один, лучше других понимавших переменчивость нашей российской жизни. Это был корреспондент агентства «Дзидзи» Кэнро Нагоси. Он согласился издать книгу и даже стал торопить меня с ее написанием. Я начал тайно привозить по вечерам готовые главы в московский корпункт «Дзидзи». Там его жена Йоко быстро переводила их на японский язык и отправляла по факсу в Токио. В 1994 году книга была опубликована издательством «Дзидзи». Называлась она «Шпион, который любил Японию».

Книга имела большой успех. В ней я показал внутренний мирок токийской резидентуры КГБ, полный интриг, зависти и под-

халимажа. Сам шпионаж, ради которого все и приехали в Японию, стоял на последнем месте.

— И это тот самый КГБ, которого мы так боялись?! — восклицали японские телекомментаторы, размахивая моей книгой.

Надо ли говорить о том, как не понравилась все это в Москве! Но формально придаться ко мне было пока нельзя, потому что законов я не нарушил. Ибо не раскрыл подлинные имена разведчиков и агентов. Да и КГБ больше не существовал, не так ли?

Главное же состояло в том, что тогда Россия действительно переживала короткий период свободы. Стало возможным говорить и писать довольно открыто. В девяностые годы я даже не раз выступал по телевидению с разоблачительными повествованиями о КГБ, во что сейчас невозможно поверить.

Первое мое выступление состоялось прямо в 1991 году, через несколько месяцев после Августовского путча. Передача называлась «Орден Ленина без права ношения». Именно такую двусмысленную награду получил советский разведчик Леонид Квасников за то, что добыл для СССР атомное оружие, похитил его секрет в США в годы Второй мировой войны. Но он хотя бы был руководителем группы разведчиков, а ее рядовые члены удостоились еще более низкой награды — ордена Красного Знамени. Ни один из них не стал ни Героем Советского Союза, ни даже генералом. Все скромно ушли в отставку полковниками.

Я был знаком со всеми: с Леонидом Квасниковым, Владимиром Барковским, Александром Феклисовым, Анатолием Яцковым, не раз беседовал с ними: ведь все мы были сотрудниками управления «Т». Передача же посвящалась тому, как наплева- тельски отнеслась советская родина к своим героям, изменив- шим мировую историю в ее пользу.

Разумеется, такого еще никто и нигде не говорил. Мои недавние начальники были ошарашены. Один из них, Геннадий Захаров, позвонил мне домой и спросил, согласовывал ли я свое выступление с управлением «Т». Я объяснил ему, что не обязан теперь ничего и ни с кем согласовывать, потому что я больше не работаю в КГБ, а в России теперь свобода слова. Тогда, в начале девяностых годов, все российские газеты и журналы только и делали, что ругали КГБ, и моя первая телепередача осталась без последствий.

В передаче «Подвиг разведчика или сделка с совестью?», показанной в программе «Совершенно секретно» телеканалом НТВ в 1996 году, я призвал своих бывших коллег-чекистов к отрече-

нию от Андропова и от КГБ и к покаянию за все преступления нашего ведомства.

— Иначе, — говорил я, — старые времена вернутся вновь (что и произошло)...

Ух, что тут поднялось!.. Мой телефон разогрелся от звонков. Звонили чекисты всех возрастов, и старые, и молодые, и кричали во весь голос: «Нам не в чем каяться!»

Примерно в это же время в телепрограмме «Человек и закон» я намекнул, что знаменитую тоталитарную секту террористов «Аум Синрике» привнесла в Россию разведка КГБ. Я правда, не сказал, что это сделала именно наша, научно-техническая разведка. Хотя знал даже имена людей, которые все это организовали.

Тут последствия были строже. Генеральная прокуратура попыталась меня самого привязать к делу Синрике, чтобы скомпрометировать. Ведь наша российская традиция такова, что герой и преступник у нас очень быстро меняются местами. Меня начали вызывать на допросы, пытались привести силой. После вторжения милиционеров в мою квартиру я обратился за помощью к правозащитникам, которые в те годы еще имели какой-то вес. В итоге заместитель руководителя партии «Яблоко» Сергей Митрохин на бланке депутата Государственной Думы написал письмо в Генеральную прокуратуру с требованием отстать от меня. И оно, как ни странно, сработало! Тогда еще российская власть боялась общественного осуждения Запада, на который она в наши дни плюет с высокой колокольни.

Но ельцинское десятилетие подходило к концу, и порядки ужесточались. Мои статьи о КГБ уже не принимали в московских газетах, причем делали это со смехом. Не стала исключением даже англоязычная газета «Москоу таймс», хотя редакторами в ней были иностранцы. Только они отказывали мне на английском языке.

К тому времени уже были арестованы военный журналист Григорий Пасько, ученый Игорь Сутягин, военный моряк Александр Никитин, дипломат Валентин Моисеев и еще ряд интеллигентов, обвиненных в раскрытии секретов и шпионаже. Такой курс был взят контрразведкой ФСБ. Ведь культурных людей гораздо легче допрашивать и принуждать к даче нужных показаний, чем матерых преступников. Правда, ни один из них так и не оговорил себя, не признал шпионом во время следствия.

Они ими действительно не были. В обстановке ельцинской свободы они открыто сотрудничали с иностранцами, проводили

для них исследования, писали статьи. Все это делал и я, и потому в схему арестов вписывался идеально. Более того, ко мне можно было предъявить больше претензий, потому что я говорил и писал о КГБ, а пойдя, разберись, что в нем секретно, а что — нет. Чекисты же вновь стали забирать в стране власть. Мне стало страшно на родине. Я понял, что пора убраться.

В 2000 году в Москве, в издательстве «Центрполиграф», вышла моя очередная книга «КГБ в Японии».

Это был русский перевод книги «Шпион, который любил Японию», для которой я дописал еще несколько глав о том, как КГБ работает внутри страны, против рядовых своих граждан. В частности, там имелась глава о деятельности КГБ в Церкви: «Врачи душ человеческих». Это было первое исследование такого рода, исходящее из стана самого КГБ, а не его жертв. Оно входит и в эту книгу. В написании той главы мне очень помогли знания, полученные в Минской школе. Видимо, книга «КГБ в Японии» переполнила чашу терпения чекистов.

К тому времени ФСБ уже негласно выжила меня из мира японской прессы в Москве. Мне оставалась только работа переводчика. Но и здесь ФСБ мне всячески вредила. Не раз российские туристические фирмы, с которыми я сотрудничал, с сожалением сообщали, что мой паромный круиз по Волге с японскими туристами отменен. Самим же японцам они говорили, что я отказался с ними работать. Это была старая шутка КГБ.

И наконец, шутки были отброшены. В сентябре 2002 года мне позвонили из «Интуриста» и попросили провести экскурсию для некоего японца, который хочет посетить музей КГБ. А он, как известно, расположен в Клубе ФСБ имени Дзержинского на той же Лубянке. Это бывший дворец графа Ростопчина, губернатора Москвы 1812 года. Сейчас туда пускают и гражданских людей, и даже иностранцев, что казалось немыслимым в советское время. Но для входа надо получить пропуск, а обратно могут и не выпустить. Вахтеры в Клубе — военные. В детстве я много раз бывал там на новогодних елках.

— А почему именно я должен переводить? — спросил я.

— Но ведь вы же пишете о ФСБ! — заявила моя собеседница, и по ее голосу было понятно, что никаких моих статей она не читала. Они ей были до лампочки.

Я понял, что меня заманивают в здание ФСБ.

— Вас там или арестуют, или вручат повестку на допрос, — объяснила мне Наталья Мухина, известный московский адвокат.

Я же решил выждать до критического момента. Дождавшись последнего перед назначенной экскурсией вечера, я позвонил в «Интурист» и сказался больным.

Как я и ожидал, начался скандал.

— Ну, может быть, вы все-таки придете? — умоляли мои собеседницы, и в их голосах слышались неподдельные слезы обиды.

— Какие проблемы? — отвечал я с усмешкой, — у вас же есть запасные переводчики именно на случай болезни кого-нибудь из нас! Я и сам не раз бывал таким запасным!..

Но мои собеседницы словно не слышали этого довода. Я понял, что улизнуть второй раз мне не позволят... И в первых числах января 2003 уже был в Вашингтоне. Там я попросил политического убежища.

Тут же я влился в среду русских эмигрантов и стал посещать храмы Зарубежной Церкви. В них сохранялась удивительная атмосфера старой России, Белого движения. Помню, как поразила она меня, когда я впервые пришел в ее храм. Я словно окунулся в прошлое, в котором никогда не был. Вспомнились рассказы бабушек об удивительной дореволюционной жизни. О, как я с детства мечтал побывать в ней, в этой рождественской сказке! И вот теперь несбыточная мечта осуществилась! Я ощутил аромат той жизни, которая ушла навсегда. В России такой атмосферы нет нигде. Она ушла вместе с эмигрантами.

Однако я увидел и то, как бесцеремонно и грубо работает среди русских эмигрантов путинская разведка. Понял, что она готовит захват Зарубежной Церкви. Как и всегда, мною овладело неистребимое желание сказать правду. Ведь правда — это Бог! Христианин должен обличить зло! Видеть его и молчать в тряпочку, имея возможность высказаться, значит потворствовать злу. Это грех.

Так появилась моя книга «КГБ в русской эмиграции». Она была выпущена в 2007 году нью-йоркским издательством Либерти. В 2008 году ее английский перевод был опубликован православным издательством св. Иоанна Кронштадского в Нью-Джерси под названием «Троянский конь КГБ-ФСБ: американцы русского происхождения».

Надеюсь, что наряду с другими публикациями, эта книга открыла глаза русским эмигрантам во всем мире и предотвратила полное поглощение Зарубежной Церкви чекистской Москвой. Независимая Зарубежная Церковь сохранилась.

Сейчас я выношу на суд русского читателя новую книгу: «КГБ в Русском Зарубежье».

Две её главы взяты из еще одной моей книги, выпущенной в США на русском языке. Она называется «КГБ приезжает с нами» и повествует об откровенной работе КГБ в миллионной среде баптистов, адвентистов и других протестантских эмигрантов из бывшего Советского Союза.

И в заключение хочу уточнить пару терминов, используемых в этой книге: «русские эмигранты» и «КГБ». Может показаться, что они не отвечают духу времени.

Разумеется, потомки старой русской эмиграции прежних лет уже никакие не эмигранты, а полноправные граждане западных стран. Но подрывную деятельность в их среде КГБ по-прежнему именуется «работой по эмигрантам», как это было и в двадцатые годы. Ведь чекисты тоже любят свои традиции. К тому же этот термин более краткий, точно передает суть дела. Да и новых русских эмигрантов на Западе сейчас хоть пруд пруди.

Что касается КГБ, то он якобы больше не существует, как полагают многие специалисты по России на Западе. Действительно, бывший КГБ разделен на несколько ведомств, но разделение это номинальное, все они по-прежнему представляют собой единое целое. У них общая линия секретной телефонной связи, общая медицина и сеть санаториев на побережье Черного и других морей. Их сотрудники по-прежнему называют себя чекистами в честь Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, основанной Лениным в 1917 году как орган «красного террора». Все эти якобы отдельные ведомства отмечают свой праздник в один и тот же день, 20 декабря, когда Ленин подписал указ о создании ЧК. Он именуется Днем чекиста и отмечается в нынешней России как общенациональное торжество, чего не было даже в советское время. Тогда ЦК КПСС давал указание отмечать этот День скрытно, в своем кругу, без большой помпы. Но ведь ЧК сейчас тем более не существует! Не так ли, господа советологи?

Или все-таки продолжает существовать? Ведь во всех ведомствах-наследниках КГБ и в наши дни можно услышать такую фразу: «У нас в ЧК...». Это словосочетание было в ходу и в советские годы. Наследники КГБ считают, что их ведомства — это по-прежнему ЧК, как и в ленинские времена. Поэтому предлагаемую вашему вниманию книгу можно было назвать и так — «ЧК в Русском Зарубежье», сути дела это не меняет. Только, боюсь, советологи попадают в обморок.

Спецслужбы Белоруссии так и вообще сохранили советское название КГБ, а она, между прочим, имеет общее с Россией союзное государство.

Невозможно уследить за калейдоскопом названий советских и российских спецслужб. Они менялись пятнадцать раз! Одним из них оказалось КГБ. Первоначально оно имело смысл наказания, потому что Хрущев понизил уровень Министерства государственной безопасности до Комитета за участие в сталинских репрессиях. «Комитет» в то время означал второстепенное министерство, какими были Комитеты по делам физкультуры и спорта или по кинематографии. Номинально КГБ был низведен до их уровня. Однако скоро эта аббревиатура потеряла уничтожительный смысл, ею стали гордиться.

Путин специально сливает и разливает спецслужбы для обмана Запада, а на самом деле ничего не меняется. Сейчас грядет новая волна переименований. Поэтому я использую самое устойчивое и понятное всем название — КГБ. Не исключаю и того, что оно может вернуться.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Оседлав русскую эмиграцию, Путин добился массового присутствия разведки во всех странах мира. Такой многотысячной армии разведчиков Россия никогда ещё не имела. На Западе их влияние сейчас сильнее, чем было у коммунистических партий, содержащихся за счёт Советского Союза. Разведчиков-эмигрантов теперь не вытащить с Запада никакими клещами. И в мирное, и в военное время они будут делать то, что велит Москва. Это стратегическая победа Путина.

Есть и тактические победы. Добычу нефти и газа повсеместно и окончательно удалось увязать со шпионажем. Теперь бизнес Газпрома по всему миру ведут офицеры разведки. Поэтому там появилось так много российских агентов влияния. Вовсю идёт оперативная разработка глав иностранных государств. Она осуществлялась и раньше, но медленно и с большой опаской. Ушли в прошлое бюрократические дразги между дипломатической службой и разведкой, характерные для советского времени. Теперь они действуют под единым командованием.

Оперативно грамотным стало решение избрать в качестве ударной бригады коррумпированную Московскую патриархию. Жители Запада относятся к духовенству не только с детским благоговением, но и с опаской, всячески боятся его затронуть. Поэтому патриархия, словно жена Цезаря, находится вне подозрений, хотя и неоднократно уличалась в шпионаже.

Ну, а в самой России свобода сворачивается, хотя казалось, что сворачивать уже нечего. Летом 2012 года, после нескольких массовых народных выступлений, были введены непомерно большие штрафы за участие в демонстрациях и митингах и восстановлена уголовная ответственность за клевету, под которой, конечно, понимается критика властей. А для правозащитников введён особый Закон о «некоммерческих организациях». Всех, получающих западные гранты, он объявляет иностранными агентами. Этот закон призван накрыть тяжким прессом всю хилую российскую оппозицию, и без того пронизанную влиянием ФСБ.

Как принято у нас в стране, в число агентов попали и те, кто весьма далёк от агентурно-оперативной работы. К ним была причислена даже добровольная организация «Кислород». На полученные от зарубежных доноров деньги она добывает лекарства

для детей, страдающим тяжёлым наследственным недугом — муковисцидозом. Но и логику властей тоже можно понять. Ведь к кому будут родители несчастных детей испытывать сыновнюю благодарность — к родному правительству или к богатым иностранным дяденькам? То-то и оно! Поэтому лучше вообще снять эту проблему: дескать, лес рубят — щепки летят!..

Да и вообще всё это для нас не ново. Бывали времена и похуже, но они никогда не могли заглушить доносящийся из России голос правды. Донесётся он и теперь, да только вот куда?..

Отошедший от христианства Запад поглощается исламской цивилизацией. Он отступает без сопротивления, связав себе руки нелепой «политкорректностью», идеологией пораженчества. Сейчас трудно поверить, что семьдесят лет назад Запад храбро сражался с Гитлером. Сегодня он бы сдался без боя, чтобы не ставить Гитлера в неловкое положение.

Если через двадцать лет некоторые из стран Западной Европы станут мусульманскими, они не потребуют от России соблюдения норм западной демократии и свободы. Напротив, это она тогда будет выглядеть либеральной на их фоне.

ОБ АВТОРЕ

Константин Преображенский — журналист и писатель, бывший разведчик, японовед.

Родился в 1953 году в Москве, окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ, стажировался в Японии, в университете Токай.

Автор ряда книг о Японии: первой в СССР книги о воспитании детей в Японии («Как стать японцем», Москва, «Молодая гвардия», 1989) и, тоже первой в СССР, кни-

ги о японском спорте («Спортивное кимоно», Москва, «Физкультура и спорт», 1985). Кроме этого, его перу принадлежат книги «Неизвестная Япония», (Москва, «Мицубиси», 1993) и «Бамбуковый меч» (Москва, «Пограничник», 1981).

В возрасте двадцати трех лет написал нашумевшую повесть «Карате начинается с поклонов». Опубликованная в журнале «Вокруг света», она принесла автору известность. В 1987 году АН СССР выпустила её, вместе с ещё одной повестью Константина Преображенского, «Очень новая старая пагода», в академической антологии «Советские писатели о Японии. 1917–1987». В этой книге были опубликованы призывания классиков советской литературы — Константина Симонова, Ильи Эренбурга и других. Среди них автор оказался самым молодым.

В 1980–85 гг. работал корреспондентом ТАСС в Токио. В 1985 году, будучи офицером советской разведки, был вынужден покинуть столь любимую им страну в результате шпионского скандала. До 1991 года продолжал служить в КГБ. Последняя должность — референт начальника научно-технической разведки.

После ухода из КГБ стал говорить и писать том, что накопело на душе. Так родилась книга «Шпион, который любил Японию», вышедшая в 1993 году в Токио и ставшая там бестселлером.

В 2000 году в Москве, в издательстве «Центрполиграф», была опубликована его книга «КГБ в Японии», переполнившая чашу терпения бывших коллег: ведь к власти уже пришёл Путин!

В 2003 году К. Преображенский, опасаясь ареста, выехал в США и попросил политического убежища.

Он продолжает писать книги о КГБ уже здесь, в Америке. Увидев, насколько бесцеремонно работает путинская разведка среди русских эмигрантов, он решил помочь своим новым братьям и написал об этом несколько книг: «КГБ в русской эмиграции», «КГБ приезжает с нами» и «KGB/FSB's New Trojan Horse: Americans of Russian Descent».

СОДЕРЖАНИЕ

Протоиерей М. Ардов:	
<i>«Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным...»</i>	7
Надо говорить правду (вместо предисловия)	9
<i>Часть первая. Меж двух огней</i>	
ЧК и ФСБ — одно и то же (<i>историческая справка</i>)	33
Русская эмиграция в нелегальной разведке	36
НКВД И ГЕСТАПО: сотрудничество друзей	62
Коварный град Китеж	69
Американские подпевалы Путина	96
От отца к сыну	113
Хватит посылать архивы на родину: они нужны здесь!	131
Канадский пленник Лубянки?	137
Иврит с русским акцентом	140
Успешная операция КГБ в Иерусалиме	157
Врачи душ человеческих	171
Пасторы-чекисты	209
Две смерти патриарха Дроздова	229
Отравления в зарубежной церкви	242
Лги, шуми, кричи, повторяй ложку — что-нибудь останется	260
Мы сохраним зарубежную церковь!	270
Латинская Америка держится!	276
Митрополит Владимир был откровенен	283
Объединение Церквей завершится скандалом (<i>Последнее интервью «Голосу Америки»</i>)	288

Часть вторая. **Русское влияние в Америке**

Почему не удалось сорвать съезд	297
Агенты КГБ или полезные идиоты?	301
Поединок с кремлевским лоббистом	310
Что может увидеть кролик в глазах удава	332
Дипломатия хамства	349
Москва приказывает из Вашингтона	359
Почему меня еще не убили	387

Приложение

Как Кремль влияет на Белый Дом	407
Россия после Елены Боннэр	412

Послесловие	416
--------------------	-----

Об авторе	418
------------------	-----

КОНСТАНТИН ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

журналист и писатель, японовед,
бывший разведчик.

Родился в 1953 году в Москве, окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ, стажировался в Японии.

Автор повести «Карате начинается с поклонов», принесшей ему известность в возрасте 23 лет, а также ряда книг о Японии: «Как стать японцем», «Спортивное кимоно», «Неизвестная Япония», «Бамбуковый меч».

В 1980–85 гг. работал корреспондентом ТАСС в Токио (одновременно являясь офицером советской разведки), но был вынужден покинуть столь любимую им страну в результате шпионского скандала.

После ухода из КГБ в 1991 году стал говорить и писать том, что накопело на душе. Так родились книги «Шпион, который любил Японию» (1993, Токио) и «КГБ в Японии» (2000, Москва), которая переполнила чашу терпения бывших коллег: ведь к власти уже пришёл В. Путин!

В 2003 году К. Преображенский, опасаясь ареста, выехал в США и попросил политического убежища. Уже здесь, в Америке, в свет вышли несколько его книг о деятельности КГБ среди русских эмигрантов: «КГБ в русской эмиграции», «КГБ приезжает с нами» и «KGB/FSB's New Trojan Horse: Americans of Russian Descent».

* * *

...Книги К. Преображенского нельзя назвать работой историка, работающего с архивами. Это работа журналиста, который наблюдает развивающийся на его глазах процесс, собирает то, что на слуху у всех и комментирует, исходя из собственного опыта работы в КГБ. Пожившим при советской власти усомниться в выводах автора трудно...

Вадим Ярмолинец

«Новое Русское Слово», Нью-Йорк

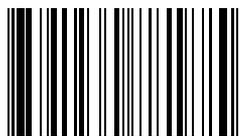
...Для тех, кто думает, что «холодная война» закончилась в 1991 году — эта книга заставит вас подумать вновь. Константин Преображенский хочет, чтобы американцы проснулись и увидели намерения российского режима. По его словам, под управлением Путина и КГБ Россия вернулась в состояние репрессивного государства, где управляют службы безопасности...

проф. Клэр Лонез

Centre for Counterintelligence & Security Studies

ISBN 978-1-934881-88-0

9 0000 >

9 781934 881880